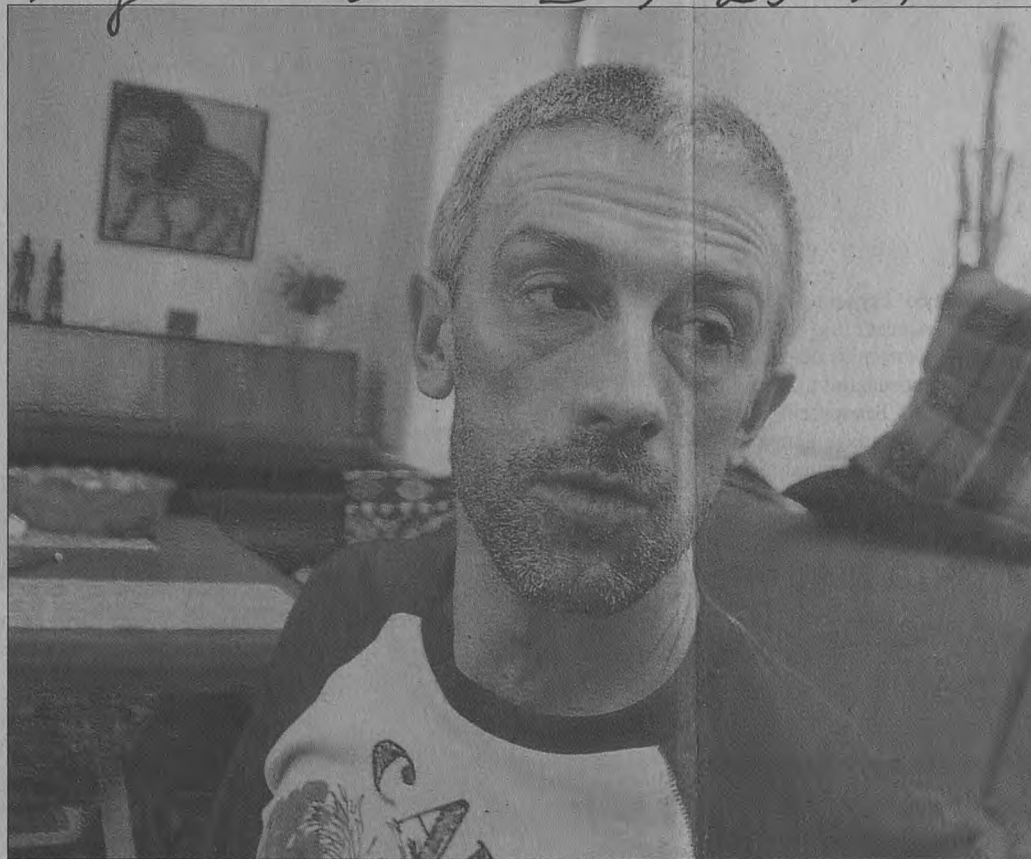

Часть модного досуга

Эдуард Бояков: «О театральном буме говорить рано. Пока есть ресторанный»

Независимая 2005-25 окт. - с. 7

Художественный руководитель театра «Практика» не хочет пичкать зрителя четырехчасовыми сагами в картонных декорациях.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Григорий Заславский

О модном театре следует говорить с законодателем театральной моды. Эдуард Бояков, безусловно, является, таким человеком. Бояков – по-прежнему генератор идей «Золотой маски», лидер фестивалей «Новая драма» и художественный руководитель открывшегося недавно театра «Практика». В прошлом завлит Воронежского театра, менеджер МЕНАТЕП, гендиректор «Золотой маски». Кроме всего прочего, он актер, режиссер и продюсер музыкальных и кинопроектов.

Эдуард, кто те люди, которые сделали театр модным, если он на самом деле моден?

– Трудно говорить на эту тему. Сразу возникают противоречия между желанием рассуждать свободно и цеховой солидарностью, следуя которой нужно соглашаться, что театр моден (естественно, в позитивном контексте). Да, публика, которую я бы отнес, скажем так, к интеллектуальной номенклатуре, возвращается в театр. Для них театр связан со стабильностью. Я не думаю, что их радует индекс российской фондовой биржи, который бьет все рекорды. Для них стабильность выражается в существовании старых институтов – МХТ, Малый, Большой...

– Но нельзя же спорить с тем, что сегодня появляется целый слой людей, для которых театр – часть модного досуга. С другой стороны, модные вещи чаще всего качественные.

– Да, необходим некий уровень качества. Но для людей, которые, в моем представлении, являются знаковыми для русской

культуры, театр – не самое привлекательное искусство.

– Да, театр не борется за зрителя так, как рестораны и биеннале. Если ты идешь в театр, то чаще всего тебе предлагают поностальгировать – вот, мол, какой была Сатира и вот какая она сегодня... И это можно сказать о 80% театров.

– Да, увы. Остальные 20% существуют в пространстве актуальности, поиска. Если говорить о МХТ, конечно, он ищет. Табаков ухватил какой-то тренд. Сегодня он, судя по всему, очень держится за Серебренникова, который ставит не только спектакли, но и юбилейный вечер-капустник. Табаков сделал выбор между, условно говоря, Женовачом и Серебренниковым.

– Выбор, который приносит успех. Если самые разные критики называют «Лес» и «Голую пионерку» на первом месте, значит, Серебренников приносит не только кассовый успех, но и экспертный.

– Да, конечно. Людям, которые ориентируются на моду, на тенденции, нужен мейнстрим. Но он возникает в результате чьих-то лабораторных опытов. Кстати, и Большой театр параллельно с Табаковым двигается, тоже пытается затащить к себе модных исполнителей, режиссеров – Конвичного, Уилсона, Доннеллана, Ноймайера, не забывает о наших – Чернякове, Сокурове. Но эти мастера сформировались в других театрах. То же и со МХТ. Наверное, так и должно быть. Но тем важнее создать пространство для поиска. И репертуарного, и режиссерского. Тогда, может быть, и возникнут условия для театрального бума.

– А вообще публика различает старые и новые театры?

– Начинает различать. Даже цены на билеты – показатель этого. В Большом, МХТ, Сатирико-не цены выросли. Это реакция

публики, это востребованность. Плюс мнения экспертов. А многие старые театры обречены, если они не изменятся кардинально. Ведь та же Бронная наверняка получает большую дотацию, нежели центр Казанцева. Разве можно сравнивать их роль и отдачу?

Нужна культурная политика. Я понимаю, какой я подвергнусь критике, говоря о том, что мне понятна логика города, когда речь идет о театре Анатолия Васильева, о здании на Поварской. Я не знаю, что будет на Поварской, кому отдадут это здание, как оно будет эксплуатироваться. Но логика понятна – это отношение города к своей собственности. И эта логика верна. Васильев свой театр должен иметь, это не обсуждается.

Но необходимы одинаковые условия с другими коллективами, конкурентная среда. А город должен, следить и оценивать результаты. Не спеша, слушая экспертов, оставаясь в рамках юридической культуры. Например, худруку театра Х должно быть объявлено за год, что контракт не будет продлен, тогда же должен быть объявлен конкурс на новое место. Тогда не будет Серебренников жупелом, за которого все борются и которым все размахивают. А сегодня театр катастрофически, безнадежно отстает и от реальной жизни, и от актуальной эстетики. Если говорить о драматургии, то это катастрофа. Многие кричат: зачем носиться с новой драмой, поднимать на щит Театр.doc,

говорить об этом слишком много. По мне – об этом говорят слишком мало и не то. Театр.doc по-прежнему такая противостоящая маргиналия. Хотя я уверен, что и вербатим как техника, и тематические векторы Театра.doc, и собственный постановочный язык, который был представлен и «Большой жрачкой», и «Войной молдован...», и «Преступлениями страсти», и спектаклями Вырыпаева, – это огромная перспектива, это могло бы прийти в тот же МХТ. Но пока я не вижу следующего за Серебренниковым. И боюсь, что МХТ, самый живой из больших театров, остановится, что Табаков подумает, будто нашел что-то единственное. Надеюсь, этого не будет. Нужно идти

далее, искать драматургов и режиссеров следующего поколения. Заявлять новые темы, связанные с сегодняшними реалиями. Ведь на нашей сцене практически отсутствуют современные герои. Мы живем в городе, в котором 200 театров и при этом нужно долго искать, чтобы увидеть на нескольких малых сценах реальных людей. – В «Практике», как я понимаю, есть и художественная программа, и менеджерская? – Без этого совмещения невозможно сегодня построить театр. Театр отличается от любой коммерческой затеи тем, что маркетинг обслуживает художественную задачу, а не наоборот. В самой же художественной программе не может быть никакого маркетинга. Мы уверены в собственных силах, мы будем говорить только о том, что нас действительно волнует. И начинаем мы со спектаклей, которые как бы одной ногой в 1990-х. Это начало. Это и «Кислород» Вырыпаева, и «Потрясенная Татьяна» Лаши Бугадзе и молдавская пьеса «Папа, я непременно должна сказать тебе что-то». Мы будем искать зрителя, которого интересуют не режиссерские ухищрения, а смыслы, заложенные в драматургии. Соответственно и сама функция режиссера будет заключаться не столько в интерпретации, сколько в презентации этого смысла. Надеюсь, за три года, а контракт у меня заключен на этот срок, мы сможем представить и новых авторов, и новых режиссеров.

– Когда вы говорили, что уходите из «Золотой маски», вы не думали о том, что буквально через год начнете заниматься театром «Практика»?

– Я оставил исполнительную должность в «Маске», но продолжал заниматься стратегией и новыми проектами ассоциации. С театром получилось достаточно спонтанно. Я много

говорил и писал Швыдкому, Худякову о необходимости новой площадки. Реакция была – да, конечно, поддерживаем, ищи помещение. Но я же не могу построить театр. Так и тянулось, пока не возник разговор о театре «Луны». Проханов правильно сделал, что не стал держаться за старую площадку, получив прекрасную новую. По-моему, это не великодушие, не мудрость, это нормальное, ясное решение. Я надеюсь, что этот процесс продолжится. Вот у Театра Маяковского, например,

сагами про жизнь человеческого духа в картонных декорациях. Этого духа там уже двадцать лет нет, а картон и занавесочки те же.

– Что будет успехом для вашего театра, не только же постоянные премьеры?

– Для меня успех – это несколько показателей. Дыхание зала. Это сразу чувствуешь, мы ведь видим своего зрителя, узнаем его по одежде, по книге в руке. Во-вторых, настроение команды. Она только складывается, но уже реагирует, формирует

На нашей сцене практически отсутствуют современные герои

есть филиал. Ведь кто-то мог бы превратить его в живое пространство...

– В театре «Практика» спектакли будут начинаться в 8, 9 часов. Это значит, что вы хотите, чтобы в театр пришли новые зрители, зрители без театрального опыта?

– В том числе. Иногда ведь нужен другой опыт. Людей, которые разбираются в искусстве, – немало. Вопрос, какой им нужен театр. Посмотрите, какими тиражами продается нон-фикшн. Потенциально существует зритель, который живет в пространстве совершенно новой культуры. Сколько людей прочли последний роман Пелевина или Сорокина? Хочется их зацепить. Это новый, креативный класс, эти люди много работают и сильно устают.

– Значит, спектакль должен быть расслабляющим?

– Нет, просто надо учитывать некие энергетические и ритмические параметры. А не пичкать зрителя четырехчасовыми

атмосферу в театре. И в-третьих, мнение людей, которых я считаю своими учителями, их мнение для меня безусловно. Что касается нашего узкого театрального сообщества – слушаю немногих. И не только потому, что все как-то связано-повязано, дружат-ненавидят. Главное то, что 80% театральных людей существуют в своем мире. В этом мире нет Чечни, нет манифеста «Догмы», нет проститутки на московских улицах, нет музыки King Crimson, нет порнографии в интернете, нет выставки Энди Уорхола на Крымском валу, ну и, конечно, нет новой драматургии. А для тех, кто делает «Практику», это все существует и требует осмысления. Что касается новой драматургии, то я считаю, что именно благодаря мощнейшим текстам Дурненковых, Вырыпаева, Пресняковых, Клавдиева и еще нескольких авторов русский театр, простите за пафос, и живет. ■